

Среда, 3 июля 1991 года

«Вечерняя Москва»

Камерные встречи для большой аудитории

По темпераменту композитора Владимира Шайнского, пожалуй, можно сравнить с Билли Джоэлом. Во время исполнения своих песен оба мэтра любят побегать вокруг рояля или же подпрыгнуть на стуле, да как... Правда, иногда заокее-анскому мастодонту удается взгромоздиться и на крышку инструмента, чтоб «отдубасить» легкий степ. Наш до этого еще не дошел. Впрочем, это неудивительно: у нас рояль — собственность концертной площадки.

Песни В. Шайнского в годы будничного «застолья» были популярны во всех слоях общества. Вспомните празднование дней мировой солидарности семидесятых — начала восьмидесятых годов. На каждом шагу из открытых окон доносились до нас «Не плачь, девчонка», «Лада», «Багульник».

Говорят, что когда у власти был идеолог Михаил Суслов, то для повышения интеллектуального тона ему заводили любимую песню «Голубой вагон», которую написали все тот же В. Шайнский с М. Плячковским.

Годы летят... Почти десятилетие прошло с тех пор, когда с гробом генерального секретаря в могилу бережно опустили семена отрезвления. Сперва отпели его, затем — другого генсека, за ним — еще одного, а Шайнский все писал и писал песни, которые нравились народу. Демократия победила. Все выпали на улицу с новыми флагами и лозунгами, а Владимир Яковлевич исчез, и о нем уже стали забывать. Синий туман окутал белые розы, и я, не вытерпев, закричал: «Шайнский, где вы?..».

— Да тут я, на станции Отдых в дачном поселке Кратово-1. Только не надо думать, что убежал. Я уединился. Ты знаешь, наступает период, нет, не переоценки — начни все сначала, я бы точно так же писал, — и не инвентаризации своего творчества. Просто наступил период, когда хочется писать для себя.

— И вы туда же, в авторы и исполнители?

— А почему такая ирония? Я, например, себя чувствую в прекрасной творческой форме и уже сегодня готов к состязанию с ныне процветающими моими коллегами. Мое время не ушло, я в этом уверен, видя реакцию зрительного зала. Иногда мне все-таки приходится покидать свою «берлогу». И на концертах я вижу, с какой теплотой меня встречают зрители.

Сегодня, конечно, на эстраде в музыке доминируют непрофессио-

налы, так же, впрочем, как и в политике или еще где-нибудь. У демократии две стороны, и порой она поворачивается тыльной, теневой стороной. Но время все расставит на свои места. Горлохваты и проектеры уйдут со сцены, и придут профи. А Шайнский — нравится ли он вам, не нравится — он профессионал.

— Владимир Яковлевич, мало сказать, что вы настроены оптимистично. Вы чертовски в себе уверены.

— Это неудивительно! С тех пор, как мы виделись с тобой в последний раз, у меня в жизни

ШАЙНСКИЙ, ГДЕ ВЫ?..

произошли только хорошие события. Во-первых, я отец двоих детей. Славику уже четыре года, а Ане — 8 месяцев. Дети дарят надежду. А я не могу эту надежду предать. Во-вторых, я творчески повзрослел и технически перевооружился. Как раньше писались песни? Сел за рояль, придумал мелодию, потом сделал аранжировку, расписал на оркестр — и все... Теперь же, имея студию, я работаю со своим оркестром, в котором сам аранжировщик и сам программист, правда, пользуюсь услугами звукорежиссера. Но это не от безграмотности, а просто не хватает рук.

— Вы сказали о звукорежиссере. Я уверен, он сотрудничает с вами не из-за одного энтузиазма. Простите за нескромность, ударила ли перестройка по вашему карману?

— Да. В сегодняшней неразберихе очень трудно определить авторский гонорар. Традиционных рапортичек с учетом исполнения песен в ВААП приходит очень небольшое количество. В новоиспеченных концертных организациях менеджеры или администраторы то ли ленятся заполнять их, то ли не все обучены грамоте. В среднем я получаю тысячи две, но разве это деньги? Двое детей, жена, которая в декретном отпуске, да и весь этот дорогостоящий антураж студии. Спасают концерты. Так что, для рэкета я не интересен.

— У вас были лучшие исполнители: А. Пугачева, В. Леонтьев, М. Магомаев, Л. Лещенко, В. Толкунова. А все-таки, кто из них вам ближе?

— С исполнителями мне везло, я работал, действительно, с очень талантливыми и преданными делу людьми. Кто из них лучше? Из них каждый прекрасен в своем плане, в своей песне. Я считаю за счастье, что мне удалось встретиться с Анной Герман. Это была личность не только с возвышенным тембром голоса, но и душой. Мы записали с ней песню «Один раз в год сады цветут», и она уже была не в лучшей физической фор-

Мог матом тебя обложить, мог выгнать из студии, но редко у кого бывает такое музыкальное чутье. Удивляюсь, почему Гостелерадио бессовестным образом забыло имя человека, который отдал телеиндустрии весь свой талант, все свои силы? Почему до сих пор оркестр не носит его имени? Я надеюсь, что руководство теперь уже союзной телекомпании все-таки найдет время и на минуточку отвлечется от Президента и вспомнит о великом музыканте Силантьеве.

— Вы очень подвижный исполнитель, Владимир Яковлевич, а наши залы были статичны.

— Ты знаешь, как я страдал от своего ерзанья? И от кого? От своих же коллег. После одного выступления в Ярославле, помню, мне такую лекцию прочел мой друг Ян Френкель. И веду я себя, как мальчишка, и что стыдно ему за меня. В общем, доставалось мне.

— Массовый жанр — эстрада в том виде, в котором есть, умирает. А классическая музыка?..

— Она не может умереть, она же классическая. Более того, я считаю, что в средствах массовой информации, на ТВ и радио повысился удельный вес классических произведений. Недавно с удовольствием прослушал трио Мендельсона в исполнении Я. Кефица, А. Рубинштейна и Б. Пятигорского. Жалко только, что наша страна потеряла таких музыкантов.

— Кстати, о выездах...

— Без кстати. Если это касается меня, то я никуда не собираюсь. Разве только на гастроли. С чем ехать, с бывлой славой?.. Новой пока еще не нарабатал.

— Когда я приехал, от вас выходила Надежда Бабкина...

— Да она просто так заходила, новую песню записать.

Я ехал от Владимира Шайнского в электричке. Через грязное стекло были видны прекрасные пейзажи Подмоскovie.

«Голубой вагон бежит, качается» — хорошая песня, и с Сусловым уж никак не вяжется. Все-таки Шайнский, какой композитор больше — детский или взрослый? И вспомнилось, как он сказал:

— И уж если дети считают, что я их, — это здорово.

Андрей НАСОНОВ.

НА СНИМКЕ: тот же Шайнский с дочерью Анечкой.

Фото Г. ШПУНЬКИНА.



ме, но ни одной интонацией, ни одним жестом не показала, какие боли ей приходилось переносить. Великая была личность.

— Таких уж нет.

— Не согласен. Есть. Вся мишура растает, выпарится, и взойдут, действительно, яркие звезды, ослепительные своим талантом, своей высокой духовностью. Вот ты про исполнителей... А знаешь, я о ком хотел вспомнить, тоже о великом человеке, с кем мне повезло долгое время работать? О Юрии Васильевиче Силантьеве. Потрясающий был профессионал.